

Австронезийская семья – крупнейшая по количеству языков из общепризнанных языковых семей в мире, а профессор Гавайского университета (Гонолулу, США) Роберт Бласт, автор рецензируемого обзора австронезийских языков, безусловно, один из крупнейших в мире специалистов по этой семье. Помимо множества статей, преимущественно касавшихся диахронического аспекта австронезийской семьи, новаторской, хотя и спорной монографии [Blust 1988], посвященной структуре австронезийского корня, нескольких описаний лексики и грамматики конкретных представителей семьи, Р. Бласт является еще и автором огромного неопубликованного этимологического словаря австронезийских языков. Кроме того, его сайт повествует о том, что он проводил полевые исследования почти сотни языков этой семьи на островах Калимантан, Новая Гвинея и Тайвань. Несудивительно, что именно этот исследователь взялся за написание первого обобщающего труда по австронезийским языкам на английском языке. Результатом стала книга размером более 850 страниц, опубликованная

«Pacific linguistics» – издательством, специализирующимся в первую очередь на австронезийской и австралийской лингвистике.

Австронезийская семья охватывает пространства от Тайваня на севере до Новой Зеландии на юге и от Мадагаскара на западе до острова Пасхи на востоке (если, конечно, можно говорить о сторонах света в отношении семьи, ареал которой пересекает линию перемены дат). Ее географическая разбросанность в сочетании с тем, что говорят на австронезийских языках по большей части на изолированных островах, служит наглядным примером тезиса о влиянии лингвогеографических характеристик на степень языкового разнообразия. Тем не менее, в отличие от обзорной работы одного из авторов этой рецензии [Сирк 2008], Р. Бласт выбрал тематический принцип построения своего труда. Монография состоит из одиннадцати глав. Две из них по сути являются вводными: первая описывает необходимый экстралингвистический бэкграунд австронезиста, включающий не только информацию о географии, но и основные сведения о флоре и

фауне регионов, заселенных австронезийцами, их контактах и культуре; вторая – дает представления о генетической и ареальной классификации языков семьи. Вслед за этим Р. Бласт последовательно рассматривает социолингвистические вопросы австронезистики, фонологию, словарь, морфологию, синтаксические аспекты австронезийских языков, проблемы реконструкции праавстронезийского, звуковые переходы, вопросы генетической классификации и сообщество австронезистов.

Глядя «со стороны», можно подумать, что монография Р. Блуста охватывает намного больше сюжетов, чем типичный обзор семьи или ареальной группы (мы имеем в виду в первую очередь монографии, изданные в серии «Cambridge language surveys» – см., например, рецензии в «Вопросах языкознания» [Плунгян 2000; Коряков 2006]; насколько нам известно, эта серия во многом послужила отправной точкой для рецензируемой работы). Так, в главе, посвященной австронезийской социолингвистике, помимо информации о влиянии контактов на словарный состав австронезийских языков (которую, как кажется, естественнее было бы поместить в главу, касающуюся австронезийского лексикона), можно отыскать разделы, посвященные образованию лексики в «секретных языках» и особых речевых регистрах, используемых на охоте и при рыболовстве, гендерных различиях в речи, наблюдаемых на Тайване в одном из атайльских диалектов и во Вьетнаме в чамском языке, построению текстов на «ритуальных языках», уровням вежливости (в первую очередь в языках ареала Явы и некоторых океанийских языках) и даже принципам сквернословия. Хотя многие из этих вопросов могли бы показаться маргинальными, в действительности они играют большую роль для сопоставления австронезийских языков, поскольку при их рассмотрении подчас делается явным скрытое родство тех или иных языковых единиц.

К сожалению, в этой связи следует отметить, что Р. Бласт иногда упускает довольно существенные детали. Говоря о способах образования слов «высокого штиля» в яванском (с. 120), автор перечисляет некоторые из них, но без всяких оговорок упускает такие продуктивные модели, как замена кластера «*s* + гласный» в конце слова (иногда со вторичной финальной гортанной смычкой) сочетанием *-ñjiŋ* (ср. *esuq* – *eñjiŋ* ‘утро’) или кластеров «плавный + гласный» и *-pə* в конце слова сочетанием *-ntən/-ntun* (*pirə* – *pintən* ‘сколько’, *lemari* – *lemantun* ‘шкаф’, *səpə* – *sintən* ‘кто?’ и т. п.), фонемы *w* кластером *ñc* (*rewaŋ* – *reñcaŋ* ‘приятель, товарищ’ и т. п.). Между тем именно эти способы важны хотя бы потому, что они

использовались и в других языках, в частности, в малайском (с закономерной заменой *-ə* в последнем слоге на *-a* и иногда с переходом *-n > -ŋ*) и сунданском, где исконные лексемы в результате оказались либо полностью вытеснены (малайское *añjiŋ* ‘собака’ при яванском *asu*, сунданское *cai* ‘вода’ < **ñcai* < **waiy*, ср. древнеяванское *wwai*, малайское *air*), либо сосуществуют наряду с дублетами более узкой по сравнению с исходной формой семантикой (в малайском *p-əm-ali* ‘табу’ – *pantaŋ* ‘табу на определенный период’, *sapa* ‘обращаться к кому-либо’ – *santun* ‘вежливость, учтивость’ и т. п.).

Заметим, что сравнительно-исторические интересы Р. Блуста накладывают сильный отпечаток на его изложение – в связи с чем оно, надо думать, будет особо интересно читателю, занимающемуся диахронией. Разумеется, прежде всего это касается глав, посвященных генетической классификации австронезийских языков и вопросам их развития. Гипотезы об историческом развитии регулярно встречаются в книге и в других местах – вплоть до обсуждения на с. 503–505 (в разделе о синтаксисе вопросительных предложений) становления использования одушевленного вопросительного местоимения при вопросе об имени (буквально «Кто твое имя?»). В главе о лексике австронезийских языков наряду со стандартной информацией о тех частях словаря, для которых уже выработана четкая методика описания, – о системах числительных, терминов родства, цветовых обозначений, местоимений и т. д. – можно увидеть и большие разделы, посвященные истории лексики; в эту же главу включены и рассуждения о том, какие выводы можно сделать из словаря языков семьи об элементах культурной истории австронезийцев.

Стоит подчеркнуть, что отечественному читателю многие методологические положения Р. Блуста могут показаться непривычными, а некоторые из них и вовсе довольно экзотичными. В частности, автор монографии явно с недоверием относится к каноническим лексикостатистическим методам (с. 712), настаивает на том, что скорость изменения «базового словаря» – набора лексики, наименее подверженной заимствованиям, – в разных языках может кардинально различаться (с. 330–331), хотя и с надеждой смотрит на обоснование генетической классификации при помощи «базовых словарей» при условии изучения распределений групп лексических когнатов и дальнейшего их сопоставления с использованием «байесовской статистики» (с. 713–714). Также практически не говорится об использовании в компаративистике эпиграфических памятников, хотя они содержат ценные сведения,

например, для реконструкции древнемалайского и древнеяванского ударения, в некоторых случаях обозначаемого в памятниках долготой гласного.

В то же время не стоит забывать, что именно Р. Бласт является автором наиболее принятой в настоящее время классификации австронезийских языков, которая противопоставляет несколько австронезийских групп на Тайване единой малайско-полинезийской группе (далее МП). В монографии последняя делится на две подгруппы – центрально-восточную и западную (с. 30). Впрочем, единство западной МП подгруппы весьма спорно; Р. Бласт сам ранее на этом настаивал [Blust 1999: 68], а в рассматриваемом труде допускает, что соответствующие языки не образуют одну подгруппу. Остается неясной и позиция Р. Бласта по отношению к главному признаку, на первый взгляд объединяющему западные МП языки, – явлению «назальной субституции» (особым преобразованием, в ходе которых при присоединении некоторых префиксов начальный согласный корня меняет способ образования, но не место; ср. малайские примеры *mə-tukul* ‘бить’ < *-pukul*, *məŋirimi* ‘посылать кому-либо’ < *-kirim*, следует оговориться, что мы здесь упрощаем описание этого явления). Несколько неожиданно Р. Бласт говорит, что это явление могло сохраниться от праавстронезийского состояния при том, что до вышедшей уже после его обзора работы Дж. Уолфа [Wolff 2010] был известен только один случай назальной субституции в языках Тайваня, а из пяти тайваньских примеров, отмеченных Дж. Уолфом, по меньшей мере корни **kayaw* ‘охота за головами’ (> *mangayaw* ‘охотиться за головами’ в языке пуюма) и **qataq* ‘есть в сыром виде’ (> *mangeta* в языке рукай), а также, возможно, **taya* ‘ждать’ (или ‘ждать в засаде’; > *tnaya* в атаяльском языке) могут быть заимствованы из внетайваньских языков, с которыми тайваньские имели контакты. В результате приходится констатировать, что, несмотря на значительную разработанность австронезийской компаративистики, у нас до сих пор нет понимания некоторых основных моментов в развитии австронезийской семьи.

Что касается синхронного описания в монографии Р. Бласта, отметим прежде всего богатство данных, сведенных воедино в главе, описывающей фонологические системы. С одной стороны, здесь наглядно представлены – причем не по частям, а целиком – системы фонем большого количества сильно различающихся в этом отношении языков, с другой стороны – эти языки подвергаются детальному сравнению при рассмотрении дистрибуции фонем и разного рода фонологических процессов.

Глава, посвященная морфологии, возможно, несколько трудна для незнакомого с семьей читателя, поскольку строится она не вокруг семантики или грамматических категорий, но вокруг конкретных аффиксов и морфологических процессов, причем преимущественно тех из них, что могут оказаться существенными для морфологической реконструкции. Вследствие этого в монографии практически отсутствует информация о некоторых существенных явлениях, которые, однако, не возводятся к праавстронезийскому состоянию – например, об аппликативах, развитых во многих языках Индонезии. Вместе с тем, здесь дается весьма основательное описание разновидностей таких явлений, как редупликация и трипликация, что, несомненно, будет представлять интерес для исследователей формальных аспектов морфологии.

Глава о синтаксисе (в действительности включающая и множество сведений о синтаксически релевантной морфологии) тоже, возможно, представляет собой не вполне то, чего можно было бы ожидать от подобной части монументального обзора австронезийских языков. Р. Бласт сознательно ограничивает свое рассмотрение следующим перечнем грамматических проблем: 1) залоговые системы (и надежное маркирование), 2) порядок слов, 3) выражение отрицания, 4) определительные посессивные конструкции (в первую очередь противопоставление по неотторжимости), 5) выделение частей речи, 6) использование директивных частиц, 7) императивы, 8) построение вопросов. Очевидно, что в этот список не попали многие важные грамматические темы – в частности, оказались целиком обойдены вопросы полипредикативных конструкций, бытийных и посессивных предложений, соответствия синтаксической структуры и коммуникативной структуры высказывания (играющего большую роль, например, во многих филиппинских языках).

Сам Р. Бласт оправдывает ограничение рассматриваемых аспектов тем, что другие в большей мере потребовали бы описания в рамках конкретных синтаксических теорий, в то время как его обзор стремился к тому, чтобы быть максимально нейтральным в отношении разных теоретических подходов. Нам этот аргумент представляется странным: описание в конкретных теоретических терминах является не просто допустимым, но подчас и единственно возможным – лишь бы соответствующие понятия вообще могли представляться за пределами данной теории (то есть, чтобы эта терминология была переводима и на язык других «разумных» теорий). Выбранное же автором ограничение ведет к явной неполноте, а порою

и к неудобствам для читателя. Приведем два примера. Во-первых, цитируя примеры из разных языков в разделе о залоговых конструкциях, Р. Бласт намеренно не унифицирует терминологию источников; в результате сравнение разных примеров оказывается в значительной степени затруднено. Во-вторых, представляя порядок слов, исследователь противопоставляет только языки с начальным, срединным или конечным положением глагола, но отказывается рассуждать о порядке слов в терминах традиционных схем VOS, VSO, SVO, SOV и т.д., ссылаясь на то, что в эргативных системах – а некоторые австронезийские языки проявляют свойства эргативности – противопоставление подлежащего и объектов затруднено (с. 457). Однако известно, что эта проблема давно уже решена: S и O представляются не как конкретные члены предложения, а как семантико-синтаксические примитивы, определяемые для любых языков (хотя и в рамках некоторой базовой конструкции, выделение которой действительно для многих филиппинских и тайваньских языков не очевидно). Игнорирование же синтаксических функций и полипредикативных конструкций приводит Р. Бласта, в частности, к тому, что он иногда явно ошибочно считает конструкциями со срединным положением глагола предложения с именным предикатом и возглавляемым глаголом относительным предложением в качестве его подлежащего (с. 460); ср. пример из филиппинского языка илокано:

si-ák ti na-pán idiáy Tagudin
 PERS-Я ART POT.PERF-идти туда Тагудин
 букв. 'Это я был тем, кто поехал в Тагудин'.

Несмотря на все это, наиболее заметные и типологически существенные черты грамматики австронезийских языков, безусловно, нашли свое место в книге Р. Бласта, и большая часть из них получила в монографии весьма детальное рассмотрение (подчас намного более детальное, чем можно было бы ожидать от общего обзора языковой семьи). Хочется отметить и еще одно положительное качество грамматических глав книги: хотя автор и выражает свой скепсис по поводу присвоения обсуждаемым им языкам тех или иных типологических ярлыков, он все же пытается привести разные, иногда диаметрально противоположные точки зрения на рассматриваемые проблемы, что особенно хорошо видно на страницах, касающихся запутанного вопроса об эргативности / аккузативности языков со сложными залоговыми системами вроде филиппинских и тайваньских.

Сложно винить автора столь обширного обобщающего произведения в том, что, ориенти-

руясь на ограниченное количество источников, он допускает некоторые неточности. Так, например, следуя многим описаниям малайского языка, Р. Бласт характеризует распределение между основными малайскими показателями отрицания *bukan* и *tidak* как противопоставление отрицания именных и неименных сказуемых соответственно (с. 467, 470), в то время как в действительности *bukan*, хотя и используется преимущественно для имен, все же встречается и с глаголами в контекстах, предполагающих контраст действий (ср. [Алиева и др. 1972: 251]) – примечательно, что позже, на с. 471, Р. Бласт признает, что в некоторых языках показатели отрицания, традиционно описываемые как «приименные», используются как раз для выражения контраста. О надписях древнемалайского государства Шривиджайя говорится, что они написаны на древнемалайском с сильной примесью санскрита (с. 18), но не отмечается, что некоторые из них содержат «вводные формулы» на австронезийском языке, видимо, близком малагасийскому. И конечно, количество неточностей этими примерами не исчерпывается, хотя претензии в подобных случаях следует предъявить скорее авторам использованных Р. Бластом описаний.

Но значит ли это, что обзор американского лингвиста надо воспринимать исключительно как «дорожный указатель», сообщающий лишь о том, где искать те или иные явления и обобщения? В действительности, совсем нет. Дело не только в том, что многие сведения – данные о тайваньском языке тхао и некоторых других – были получены автором в ходе полевой работы. Фактически некоторые разделы книги (из упомянутых выше, например, разделы о сквернословии и отрицаниях) представляют собой самостоятельные сопоставительные исследования, предлагающие типологические классификации или неожиданные гипотезы и наблюдения, причем исследования эти предприняты специально для данной работы.

Отечественным востоковедам может быть немного обидно, что Р. Бласт совершенно не учел исследований, изданных на русском языке; можно предполагать, что за пределами круга источников автора монографии оказались и многие другие исследования, опубликованные не на языках Западной Европы. Но и без того Р. Бласту, несомненно, удалось показать разнообразие и богатство австронезийской семьи и ввести в научное обсуждение многие нестандартные данные. Соответственно его фундаментальная работа, доступная как в печатном, так и в электронном виде, будет интересна не только австронезистам, но и компаративистам и специалистам по языковому разнообразию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиева и др. 1972 – Н.Ф. Алиева, В.Д. Аракин, А.К. Оглоблин, Ю.Х. Сирк. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
- Коряков 2006 – Ю.Б. Коряков. [Рец. на:] W.F.H. Adelaar, P.C Muysken. The languages of the Andes // ВЯ. 2006. № 4.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. [Рец. на:] R.M.W. Dixon, A.I. Aikhenvald (eds.). The Amazonian languages // ВЯ. 2000. № 5.
- Сирк 2008 – Ю.Х. Сирк. Австронезийские языки. Введение в сравнительно-историческое изучение. М., 2008.
- Blust 1988 – R. Blust. Austronesian root theory: an essay on the limits of morphology. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Blust 1999 – R. Blust. Subgrouping, circularity and extinction: Some issues in Austronesian comparative linguistics // E. Zeitoun, P. Jenkuei Li (eds.). Selected papers from the Eighth International conference on Austronesian linguistics. Taipei, 1999.
- Wolff 2010 – J.U. Wolff. Proto-Austronesian phonology with glossary. 2 vols. Ithaca (NY), 2010.

С.В. Кулланда, Ю.А. Ландер, Ю. Сирк

Сведения об авторах:

Сергей Всеволодович Кулланда
Юрий Александрович Ландер
Юло Сирк
Институт востоковедения РАН